

В.А. Мазилев

О ПРЕДМЕРЕ ПСИХОЛОГИИ¹

В статье обосновывается актуальность и значимость исследований по проблеме предмета психологии. Утверждается, что недопустимо смешение понятий «предмет психологии» и «предмет психологического исследования», что очень часто происходит. Показано, что в современной психологии существует множественность подходов к проблеме предмета психологии. Констатируется необходимость различения объекта и предмета психологии. Обосновывается необходимость теоретических исследований по проблеме предмета психологии. Выделены и описаны функции, которые должен выполнять предмет психологии, а также его основные характеристики. В статье показано, что может быть разработан новый подход к пониманию предмета психологии, который удовлетворял бы современным требованиям. Прообразом такого понимания может быть аналитическая психология К.Г. Юнга. В статье предлагается урвневая трактовка предмета психологии.

Ключевые слова: Психология, предмет психологии, объект науки, предмет науки, функции предмета психологии, характеристики предмета психологии, аналитическая психология К. Г. Юнга, синтетический метод, урвневое понимание предмета психологии.

Самые последние годы ознаменовались явным усилением интереса к исследованию и разработке методологических проблем психологической науки и, в частности, центральной методологической проблемы — проблемы предмета психологии. Вышли специальные подборки текстов по проблеме предмета и метода [20], в трудах Ярославского методологического семинара опубликован ряд чрезвычайно интересных исследований по данной проблематике [3; 6; 9—11; 18; 23; 37; 42 и др.]. Отдельными изданиями и в периодической печати все чаще появляются работы, в которых затрагивается проблема предмета психологии [1; 28 и др.], защищаются диссертации по предмету психологии [25]. Что примечательно, проблемы предмета психологии обсуждаются не только самими психологами, но и философами. Отмеченное повышение интереса к пробле-

мам предмета психологии не может не радовать, т.к. обычно интенсивное обсуждение методологических вопросов способствует появлению новых продуктивных идей.

В недавно вышедшей антологии «Предмет и метод психологии» авторы-составители отмечают, что «психологическая наука исключительна не только в силу уникальности своего предмета — самого тонкого, сложного, возвышенного и противоречивого, каким является сознание, душа, мысль, чувство человека, но и в силу высочайшей степени свободы, которую она предоставляет посвятившему ей себя ученому. Эта свобода — в исследовательских перспективах психологии, которая является гигантским еще не освоенным пространством научных проблем» [20, с. 3]. С таким заключением нельзя не согласиться,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 06-06-90602 а/Б.

равно как и с тем, что тот же, по сути, вывод содержится и у первого мыслителя-философа, давшего развернутую картину психической жизни, великого грека Гераклита Эфесского: «Границ души тебе не отыскать, по какому пути [= в каком бы направлении] ты ни пошел: столь глубока ее мера [= «объем», логос]» [26, с. 231]. Тертуллиан прокомментировал это высказывание в пессимистическом духе: «Насколько трудно доказывать, настолько хлопотливо убеждать, так что с полным основанием знаменитый Гераклит Темный, наблюдая непроглядный мрак у исследователей души, пресытившись [подобными] исследованиями, объявил: “Границ души не найдешь ни за что, на какой бы путь ты ни вступил”» [26].

Впрочем, констатация сложности проблемы предмета представляет собой в современной психологии общее место. Поэтому обратимся к конкретным проблемам, связанным с исследованием и разработкой проблемы предмета психологии.

Прежде всего отметим, что многие психологи, признавая проблему предмета одной из центральных методологических проблем, скептически относятся к возможностям ее продуктивной разработки в настоящее время, фактически продолжая традицию Тертуллиана.

Как нам представляется, проблема предмета как была ранее, так и остается в настоящее время наиболее актуальной методологической проблемой. Это проблема, которая требует научного исследования, проблема, актуальность и значимость которой переоценить невозможно. Недостаточная разработанность этой проблемы препятствует успешному продвижению в решении целого ряда принципиальных теоретических вопросов психологической науки, делает практически неосу-

ществимой в сколь-нибудь существенных масштабах работу по реальной интеграции научного психологического знания. Более того, даже сопоставление психологических концепций зачастую затруднено именно вследствие того, что в различных теориях имплицитно заложены существенно различающиеся трактовки психического. При отсутствии общепринятой методологии и технологии сопоставления (а сегодня дело обстоит именно так) куда проще заявить о принципиальной несопоставимости теорий, чем реально что-то осуществить. Без построения концепции предмета психологической науки, по нашему глубокому убеждению, такую технологию сопоставления вообще вряд ли возможно разработать. Наконец отметим, что концепция предмета психологии должна составить одно из оснований разработки интегральной методологии психологической науки [17, с. 13–16].

Отметим, что некоторые психологи испытывают определенные опасения, связанные с разработкой проблемы предмета. Вряд ли кто-то из сторонников интенсификации исследований в области предмета психологии рассчитывает на введение нового «единомыслия» в психологии: никакого «предписывания» (как должен определяться и пониматься предмет психологии), никаких «указаний сверху» в свободной научной деятельности нет и быть не может. По-видимому, опасения такого рода излишни. Как справедливо отмечают составители уже цитированной антологии, для психологии характерна высочайшая степень свободы в исследовательских перспективах: «Она (свобода) – в настоящем психологии, поскольку ее выход на практическое поле предполагает творческий поиск разнообразнейших способов оптимизации

жизненных, социальных, экономических и др. отношений людей, опираясь на возможности их сознания, деятельности, личности. Эта свобода видна и при обращении к истории психологии. При всем стремлении историков этой науки представить прошлое в виде разных сменяющих друг друга, или противоборствующих, или мирно сосуществующих глобальных направлений, бесконечно разнообразна и своеобразна индивидуальность мысли каждого автора, ее истоки, способ репрезентации, доказательства ее истинности и обоснование значимости» [20, с. 3].

Другой причиной, заставляющей некоторых психологов говорить об отсутствии актуальности исследований по предмету психологии, является, на наш взгляд, недостаточное разграничение таких понятий, как «предмет науки», «предмет теории» и «предмет исследования». Каждое из этих понятий имеет свои функции и свою роль в методологии психологической науки. Каждое из названных понятий нуждается в разработке, и нет никаких оснований подменять одно другим. Исследования по предмету психологии никоим образом не ограничивают свободы автора конкретного научного психологического исследования.

Еще одно возражение состоит в «принципиальной неразрешимости» «проблемы предмета психологии как простого указания на какую-то часть реальности или ее аспект» [23, с. 276]. С.Д. Смирнов замечает, что «попытка указать на предмет науки как на некоторую часть или сторону реальности, без учета исследовательской задачи (проблемы), средств исследования и т.д., является методологически наивной и, в принципе, не может привести к сколь-нибудь приемлемому для всего научно-

го сообщества (или его существенной части) результату» [23, с. 278]. Заметим, что вышеописанное, несомненно, справедливо для *предмета исследования*, но вряд ли справедливо для *предмета науки*. Между тем в специальной работе показано, как та или иная трактовка предмета науки имплицитно включается в структуру предтеории и таким образом определяет предмет конкретного психологического исследования, в котором исследуется не просто проблема, но *опредмеченная проблема* [12]. Еще раз подчеркнем, что опредмеченность проблемы создается именно предметом науки. Обычно это самим исследователем не осознается, но это не меняет существа дела. Таким образом, проблема, идея метода и т.д., несомненно, влияют на определение предмета исследования, но сами определяются тем или иным общим пониманием предмета науки. Иными словами, все оказывается несколько сложнее, чем кажется на первый взгляд.

История психологии – история поисков предмета психологии. Известный методолог и историк психологии М.Г. Ярошевский цитировал автора статьи в «Британской энциклопедии»: «Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» [39, с. 5]. В этой шутке «есть доля шутки» – психологии свойственно драматизировать ситуацию, т.к. внутренний мир человека значительно богаче «одномерных» психологических теорий, что неизбежно «бросается в глаза» и вызывает тревогу у исследователей психического. Вместе с тем все эти утраты можно рассматривать и как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный прогресс: вместе с каждой утратой очередного предмета становится ясно, что, конечно же,

психическое есть только что «утраченное», но и, несомненно, нечто сверх того. Поэтому правомерен взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего подлинного предмета. (Не будем здесь на этом останавливаться, см. по этому поводу специальную статью – [13]).

Еще раз отметим, что проблема предмета – это важнейшая методологическая проблема. Предмет должен специально конструироваться. Большая (и чрезвычайно вредная!) иллюзия некоторых психологов состоит в том, что про предмет достаточно лишь «приготовить», а перейти от одного предмета к другому можно очень просто путем соответствующей декларации «Предметом психологии мы сделаем душу (или что-то другое)». Очень хорошо, на наш взгляд, эту ситуацию описал еще в 1994 г. патриарх отечественной психологии М.Г. Ярошевский: «Когда ныне рушится вся привычная система ценностей, захлестываемая грозной волной бездуховности, возвращение к душе представляется якорем спасения. Но наука, в отличие от мифологии, религии, искусства, имеет свои выстраданные веками критерии знания, которое в основе своей является детерминистским, т.е. знанием причин, знанием закономерной зависимости явлений от порождающих их факторов, доступных рациональному анализу и объективному контролю» [40, с. 96]. Поэтому ошибаются те, кто полагают, что достаточно заменить «психику» на «душу» (или что-то иное), а все остальное разрешится само собой: проблема состоит в том, чтобы обеспечить возможности «рационального анализа» и «объективного контроля» (если, конечно, мы хотим, чтобы психология оставалась наукой). А это куда сложнее, чем декларировать

иное понимание предмета. Впрочем, этого вопроса нам еще придется коснуться в заключительной части настоящей статьи.

1. Проблема предмета психологии: множественность подходов

Итак, повторим: проблема предмета психологии существует, это, на наш взгляд, важнейшая методологическая проблема, которая и сложна, и запутанна. Сложность «объективна», т.к. это сложность самого объекта науки. Вероятно, психика («психе») – это самое сложное из того, что должен постичь человек (и, как нам представляется, в очень значительной степени еще только предстоит постичь). Запутанность, напротив, проистекает из причин «субъективных». Существует множество контекстов, в которых разными субъектами познания употребляется термин «предмет психологии». Он используется в разных случаях с разными целями, что порождает множество пониманий и трактовок. Нежелание психологического сообщества как-то упорядочить и разобраться с этими вопросами только усугубляет серьезность проблемы.

Запутанность, кстати, начинается с того, что *предмет* науки и ее *объект* тесно «связаны»: напомним, что сам предмет определяется через объект (*лат. objectum* – «предо мной»). Тем не менее в ряде языков (в том числе, к примеру, в русском или в немецком) возможность развести предмет и объект существует. Насколько можно судить, понятие «предмет» (разумеется, в интересующем нас гносеологическом смысле) было введено австрийским философом Р. Амезедером в 1904 г. для того, чтобы обозначить некоторую целостность, выделенную из мира объектов в

процессе человеческой деятельности и познания. Р. Амезедер разграничивал предмет и объект: единую теорию объекта можно создать путем сложения предметных срезов [2].

В отечественной методологии науки сложилось разграничение предмета и объекта науки: объект науки — это часть, объективно существующий фрагмент действительности, предмет — это объект, интерпретированный в понятиях той или иной науки. Это разграничение (при всей его условности) представляется полезным для психологии: отсюда, в частности, следует, что человеческая психика является (или может являться) объектом многих наук (психология не обладает монополией на исследование психики), но каждая из наук выделяет в психике свой предмет, соотносимый с системой понятий этой науки. Для психологии это оборачивается парадоксом: фактически, чтобы выделить предмет психологии (а это чаще всего так или иначе трактуемая *психика*) в объекте «*психика*», его прежде нужно *задать*. Мы полагаем, вслед за К.Г. Юнгом, что психология еще не в полной мере осознала этот парадокс: «Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно “души”, психического, *psyche*. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является объектом научного исследования» [29, с. 12–13]. Здесь лишь заметим, что психика может исследоваться разными науками, поэтому при организации комплексного междисциплинарного исследования важно учитывать различия в трактовке предмета.

Но обратимся собственно к *предмету психологической науки*, который является темой нашей статьи.

Прежде всего отметим, что предметов может быть много. Понимания (трактовки) предмета различаются в зависимости от того, с какими целями выделяется предмет науки. Не претендуя на полноту, выделим несколько целей, в соответствии с которыми может задаваться трактовка предмета психологии.

1. Предмет задается, чтобы *конституировать* психологию как науку. Примером может послужить физиологическая психология Вундта как наука о непосредственном опыте. Вундт вводит понятие непосредственного опыта в качестве предмета психологии для того, чтобы провозгласить психологию самостоятельной наукой, отличной от философии.

2. Предмет задается, чтобы определить *область исследований*. Это наиболее часто встречающийся случай. Когда в качестве предмета психологии полагают, к примеру, сознание или поведение, используют понятие «предмет» для того, чтобы указать область исследования.

3. *Дифференциация* предмета с целью уточнения исследовательских позиций (и достижения необходимых идеалов научности). Так, например, Ф. Brentano выделяет в сознании в качестве предмета исследования акты сознания (противопоставляя их содержанию, которое, по его мнению, предметом психологии не является), а Э. Титченер из сознания в качестве предмета психологии оставляет лишь психические процессы, элиминируя предметность, которую он квалифицирует как ошибку стимула.

4. Предмет науки выступает как средство *опредмечивания* проблемы.

В качестве примера можно привести И.П. Павлова, увидевшего в условном рефлексе все богатство душевной жизни, или М. Вертгеймера, который в стробоскопическом эффекте (фи-феномене) усмотрел реальность существования феноменального поля.

В данной работе мы не ставили задачи перечислить все возможные варианты — это должно быть темой специального исследования².

Другим моментом, осложняющим рассмотрение проблемы предмета психологии, является принципиальная *множественность подходов к анализу предмета психологии*. На этом стоит остановиться более подробно. Не ставя задачи дать исчерпывающее перечисление, укажем, что возможны различные подходы к анализу предмета психологии.

1. Возможен *теоретический* анализ предмета. На наш взгляд, это одна из основных задач методологии психологической науки. Одним из первых в новейшей истории отечественной психологии на необходимость такого анализа указал И.П. Волков [4]. По нашему мнению, теоретический анализ предмета психологии должен дать ответ на вопрос, каковы функции предмета психологии в современной науке, какими должны быть основные характеристики и параметры предмета психологии. Отметим, что этот подход к анализу предмета при всей его актуальности разработан в наименьшей степени. Попытка такого анализа была предпринята нами ранее в ряде работ [12; 14], и ниже (в рамках настоящей работы) мы остановимся на перспективах этого подхода более подробно.

² Для нас важно показать здесь, что цели, с которыми вводится *предмет психологии*, могут существенно различаться. Но это не единственное обстоятельство, затрудняющее рассмотрение проблемы предмета психологии.

2. Возможен *содержательный* анализ предмета психологии. Это наиболее распространенный и наиболее разработанный подход. Каждое оригинальное направление в психологии создает свое понимание предмета (что включается в предмет и *как* он рассматривается). В истории психологии (с легкой руки Ф. Brentano³) это определяется выражением «с точки зрения»: «с эмпирической точки зрения», с «точки зрения бихевиориста» и т.д.

3. Возможен анализ с точки зрения *философии науки*, когда психологические вопросы определения объекта и предмета трактуются исходя из общенаучного подхода. Примером может служить анализ, осуществленный известным методологом науки Э.Г. Юдиным [8; 36].

4. Возможен *сравнительно-исторический* подход к анализу предмета психологии. Это ретроспективный анализ, который направлен на то, чтобы зафиксировать изменения в понимании и трактовках предмета психологической науки на разных этапах ее развития. Этот подход широко представлен в историко-психологической литературе [7; 39 и др.].

В данной работе, повторим, мы не ставим задачи рассмотреть все возможные подходы к анализу предмета психологии. Несомненно, что, обсуждая проблему предмета психологической науки, стоит учитывать многообразие подходов. Кроме того, хорошо известно, что могут существовать различные *способы* задания предмета. И.Н. Карицкий выделяет следующие способы экспликации предмета психологии: декларативный, постулирующий, дидактический, описательный, как совокупности

³ См. книгу Ф. Brentano «Психология с эмпирической точки зрения» [43].

предметов исследования и т.п. [10]. Специальная работа, посвященная предмету психологии, опубликована В.И. Гинецинским. «Для любой отрасли знания, в том числе психологии, определение собственного предмета, т.е. соотносимого с ней фрагмента действительности, аспектов и уровней его рассмотрения, составляет центральную задачу. Эта задача не имеет раз и навсегда найденного решения, она постоянно уточняется (видоизменяется) по мере развития самой науки» [5, с. 61]. Обсуждая вопрос об определении предмета психологии, автор отмечает: «Для определения предметной области психологии в общем можно воспользоваться пространственным представлением о положении этой области среди предметных областей других наук. Тогда, для того чтобы определить предмет психологии, нужно очертить внешние (экстернальные) границы ее предметной области и показать ее внутреннюю (интернальную) расчлененность, поскольку сама психология может быть представлена также как совокупность (система) входящих в нее частных, научных дисциплин. Прочерчивание внешних и внутренних границ предметной области психологии вместе с тем являет собой пример неявного (имплицитного) определения предмета. Поэтому в дополнение к ним следует предложить и вариант явного (эксплицитного) его определения. В качестве такового может выступать характеристика содержания понятий, которые используются для ее наименования в целом. Таким образом, мы приходим к разграничению трех вариантов определения предмета психологии: имплицитное экстернальное, имплицитное интернальное и эксплицитное» [5]. Не станем здесь сопоставлять различные способы задания пред-

мета⁴. Для нас важно подчеркнуть, что и сами процедуры задания предмета могут быть существенно различны.

Вывод, который следует из вышеизложенного: современная методология психологической науки пока не уделяет необходимого внимания анализу предмета психологии. Практически отсутствует теоретический анализ, поэтому, в частности, вместо классификаций мы вынуждены довольствоваться перечислениями, которые не являются исчерпывающими.

В следующем разделе мы кратко остановимся на причинах такого положения вещей и предложим для обсуждения некоторые предварительные результаты проведенного нами анализа.

2. Предмет психологии: попытка теоретического анализа

Как уже упоминалось, одним из первых на необходимость теоретического анализа предмета психологии указал И.П. Волков [4]. Возникает вопрос, почему в психологии, как в отечественной, так и в зарубежной, практически отсутствуют работы по теоретическому исследованию предмета? Для того, чтобы понять, почему так произошло, потребовался бы пространственный историко-философский и историко-психологический экскурс. К сожалению, в рамках настоящей статьи это невозможно сделать, поэтому придется ограничиться несколькими краткими соображениями.

Как известно, до середины позапрошлого века психология развивалась

⁴ Хотя нельзя не заметить, что пространственная модель предметной области (при очевидных достоинствах) таит немалые опасности, т.к. при этом обычно упускается уровневый аспект. Как мы увидим в дальнейшем, уровневый подход к рассмотрению предмета важен и перспективен.

в недрах философии. Предметом психологии (точнее, философской психологии) была душа. Основными методами исследования (подчеркнем, что речь не идет ни об опытном, ни о научном исследовании) были философское рассуждение и интерпретация. Материал для метода интерпретации давали тексты авторитетных источников и результаты житейских наблюдений (в разные периоды в различных масштабах) и самонаблюдений. Последнее необходимо отличать от интроспекции: интроспекцией не являлись не только самонаблюдение и самоанализ Св. Августина, но и картезианская интуиция. «Картезианская интуиция — это не интроспекция XIX в. И тем не менее последняя — ее незаконнорожденная дочь, т.к. Декарт вводит дуализм человека, дуализм души и тела. Если шишковидная железа и осуществляет их соединение, то она не создает в человеке столь плодотворного единства, как единство формы и материи у Аристотеля, который не мог себе представить ни форму без материи, ни, следовательно, бессмертия душ. Этот дуализм, дуализм духа и тела, способствовал в первое время ряду успехов, благоприятствовавших осознанию специфики психологических проблем, хотя позднее он неминуемо завел в тупик» [27, с. 17–18]. Для нашей темы важно, что к первой трети XIX века рассуждения о душе рассматривались как явно метафизические. Как известно, «отец позитивизма» О. Конт отказался включить психологию в свою классификацию наук именно на этом основании. Поэтому программы построения психологии как самостоятельной науки предполагали в первую очередь конструирование нового предмета (непосредственный опыт, акты сознания и т.д.). Итак, влияние позитивизма

проявилось в том, что психология попыталась стать эмпирической наукой. Чтобы избавиться от наследия метафизики, психология отказалась от теоретических методов исследования собственного предмета, полагая, что он «раскроется» в процессе эмпирического исследования. Этого не произошло, да, собственно, и не могло произойти. Как в свое время остроумно заметил О. Конт, интроспекция, будучи деятельностью души, будет всегда находить душу, занятую интроспекцией. В течение многих лет предпринимались попытки построения психологии «без всякой метафизики», «как строгой науки» и т.д. И всякий раз оказывалось, что исходные (пусть имплицитные) представления о психе неистребимы...

Важно констатировать, что в сознании исследователей самых разных направлений и ориентаций сформировалось устойчивое представление, что предмет психологии *простой*. То есть *психика это нечто изначально простое* (в том смысле, что дальнейшие расчленения будут осуществляться при эмпирическом исследовании предмета). Иными словами, предмет психологии — психе — подвергся обработке «бритвой Оккама». «Frustra fit plura, quod fieri potest pauciora» — «Бесполезно делать посредством многого то, что может быть сделано посредством меньшего». Прочитанный «принцип бережливости» У. Оккама, помимо «значительной прогрессивной роли» в борьбе с «субстанциональными формами», «скрытыми качествами» и т.д., сыграл злую шутку с психологией, поскольку послужил основанием для различных вариантов редукционизма. Повторим, редукционизм возможен тогда, когда подвергаемое редукции — простое по своей природе. Если психология —

эмпирическая наука, то, очевидно, структура и функции предмета должны обнаруживаться, выявляться, исследоваться эмпирически (например, интроспективно). Нежелание быть обвиненным в метафизике, стремление превратить психологию в опытную науку (желательно по образцу естественных наук), сделали психологию редукционистской наукой. Не желающие мириться с принципиальным «сведением» (редукцией) психе были объявлены раскалывающими психологию на две психологии (В. Вундт, В. Дильтей и др.). Между тем в истории человечества было накоплено очень много данных, свидетельствующих о том, что вряд ли оправданно редукционистское сведение психе к ее конкретному проявлению. Действительно, психе может проявиться и в самосознании, и в поведении... Ликов у психе много. При желании можно сказать, что психика, к примеру, — ориентировка в окружающей среде. И это абсолютно правильно — психика проявляется и в этом тоже. Но сводимали вся психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природа и сущность? Вопросы, разумеется, риторические.

По нашему мнению, необходимы в первую очередь теоретические исследования предмета, разработка концепции предмета. Не стоит забывать, что психика в некотором отношении напоминает зеркало (каждый видит в нем свое отражение). Действительно, организовав эмпирическое исследование определенным образом (как структурное, как процессуальное и т.д.), мы гарантированно получаем соответствующее описание [12]. Удивительно, что искушение придать ему «онтологический» характер часто оказывается непреодолимым. Л.С. Выготский в своем «Историческом смысле...» очень мудро

заметил, что «все слова психологии суть метафоры, взятые из пространств мира». Настала пора интуитивные соображения заменить продуктами теоретического анализа.

Теоретический анализ предмета, на наш взгляд, предполагает в первую очередь выявление *функций*, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные *характеристики*.

Представляется, что речь может идти о следующих функциях.

1. *Конституирование* науки. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, не зависимой и отличной от других [12].

2. Обеспечение работы «*машины предмета*». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет *внутрипредметных* соотношений и исследовательских процедур производить рост предметного знания.

3. Обеспечение функции предметного «*операционального стола*» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах.

4. *Дидактическая* функция, связанная с построением содержания учебных предметов (подробно об этом см. [4]).

Назовем основные, по нашему мнению, характеристики предмета (более подробно см. [16]):

1. Предмет должен существовать *реально*, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), т.е. он должен быть не

свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность, иными словами, предмет должен иметь онтологический статус.

2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе *сущностное*, позволяющее выявлять *собственные законы существования и развития*, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического.

3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического на физиологию (имеются в виду попытки, совершаемые с упорством, достойным лучшего применения) лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение «причин» в биологии, в социуме, в логике. В результате получается, что психическое лишается собственных законов: на психическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и проч.), либо герменевтические закономерности. Но главное все же в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсихологическому. Между тем известное требование Э. Шпрангера «*psychologica — psychological*» по-прежнему актуально для психологии. Не стоит и говорить о

том, что, пока психическое понимается как отражение, не существует реальной возможности соотнесения исследований, в которых изучается, скажем, реагирование на тот или иной сигнал, и, к примеру, трансперсональные феномены, хотя они, несомненно, относятся к различным проблемным полям одной науки — психологии.

3. Предмет психологии: воспоминание о будущем

Возможна ли такая трактовка психического, о которой речь шла в предыдущем разделе? Мы полагаем, что возможна. Во всяком случае в истории психологической мысли можно увидеть несколько подходов, которые приблизились к такому пониманию, столь необходимому для сегодняшней науки. Правда, для того, чтобы их «заметить», необходимо:

1) критически отнестись к старому пониманию;

2) увидеть методологическое значение нового понимания. И первое, и второе, как показывает жизнь, вовсе не так просто осуществить.

Одним из наиболее разработанных вариантов нетрадиционного понимания предмета, как уже указывалось выше, является подход, сформулированный в аналитической психологии К.Г. Юнга⁵. Прежде всего должна быть отмечена попытка К.Г. Юнга вернуть в науку психическое как реальность. Как

⁵ Подчеркнем, что речь вовсе не идет о том, чтобы повернуть развитие психологии вспять. Это невозможно, да и не нужно. Наша цель совершенно иная: продемонстрировать, что возможно строить психологию на другой основе — в первую очередь на основе другой трактовки предмета психологии. Принесем извинения читателю за обилие цитат из работ К.Г. Юнга, но нам было важно показать авторскую позицию как можно точнее.

пишет И. Якоби: «Чтобы правильно понять теорию Юнга, мы должны прежде всего принять его точку зрения, согласно которой все психические явления совершенно реальны. Как ни странно, эта точка зрения относительно нова» [38, с. 388].

Магия психической реальности оказалась настолько сильной, что переводчик книги И. Якоби [38] на русский язык интерпретирует юнговский термин «psyche» (психе, психика) как психическую субстанцию. Речь у К.Г. Юнга о психике как субстанции все же не идет. Но трактовка психического как реальности, несомненно существующей и составляющей предмет изучения психологии, очень важна. «Что касается Юнга, то для него психическая субстанция (психика — *В.М.*) так же реальна, как и тело. Будучи неосязаемой, она, тем не менее, непосредственно переживается; ее проявления можно наблюдать. Психическая субстанция — это особый мир со своими законами, структурой и средствами выражения» [38, с. 388].

К.Г. Юнг отказывается от попыток соотношения психического и физиологического, психического и биологического для того, чтобы сосредоточиться на исследовании психики как таковой: «...Я посоветовал бы ограничиться психологической областью без каких-либо допущений о природе биологических процессов, лежащих в их основании. Вероятно, придет день, когда биолог, и не только он, но и физиолог, протянут руку психологу и встретятся с ним в туннеле, который они взялись копать с разных сторон горы неизвестного» [32, с. 91]. «Психика вполне заслуживает того, чтобы к ней относились как к самостоятельному феномену; нет оснований считать ее эпифеноменом, хотя

она может зависеть от работы мозга. Это было бы так же неверно, как считать жизнь эпифеноменом химии углеродных соединений» [44, с. 8]. Психология обретает свой собственный предмет (психика для К.Г. Юнга — не свойство другой вещи!), то, что реально может исследоваться с помощью вполне «рациональных» методов. Другое дело, что эти методы не похожи на традиционные процедуры расчленения содержания сознания на элементы (достаточно сравнить амплификативный метод К.Г. Юнга и традиционную интроспекцию). «С помощью своего основного определения психики как “целостности всех психических процессов, сознательных и бессознательных”, Юнг намеревался очертить зону интересов аналитической психологии, которая отличалась бы от философии, биологии, теологии и психологии, ограниченных изучением либо инстинкта, либо поведения. Отчасти тавтологический характер определения подчеркивает обособление проблемы психологичностью исследования» [24, с. 116]. Таким образом, психология возвращается к соблюдению знаменитого шпрангеровского «*psychologica — psychological*» — требования объяснять психическое психическим. Принципиально важно утверждение об объективности психического: психика — «феномен, а не произвол». «Психология должна ограничиваться естественной феноменологией, раз уж ей не велено вторгаться в другие области. Констатация психической феноменологии — вовсе не такая простая вещь, как о том свидетельствует наш пример этой общераспространенной иллюзии произвольности психического процесса» [32, с. 100–101]. «Сама психика преэзистентна и трансцендентна по отношению к сознанию» [32, с. 101]. Трудно

переоценить значение отказа от понимания психического как механизма, состоящего из постоянных элементов. Взгляд на психологию радикально изменится, если мы «постараемся рассматривать душу (психе — *В.М.*) не как твердую и неизменную систему, а как подвижную и текучую деятельность, которая изменяется с калейдоскопической быстротой...» [34, с. 33–34].

Юнговская психология предпочитает работать с целостностями: «Аналитическая или, как ее еще называют, комплексная психология отличается от экспериментальной психологии тем, что не пытается изолировать отдельные функции (функции восприятия, эмоциональные явления, процессы мышления и т.д.), а также подчинить условия эксперимента исследовательским целям; напротив, она занята естественно происходящим и целостным психическим явлением, т.е. максимально комплексным образованием, даже если оно может быть разложено на более простые, частичные комплексы путем критического исследования. Однако эти части все-таки очень сложны и представляют собой в общем и целом темные для познания предметы. Отвага нашей психологии — оперировать такими неизвестными величинами — была бы заносчивостью, если бы высшая необходимость не требовала существования такой психологии и не подавала ей руку помощи» [32, с. 102]. Обращение к анализу сложнейших психических феноменов требует и изменения методов исследования: «Отличие аналитической психологии от любого прежнего воззрения состоит в том, что она не пренебрегает иметь дело с наисложнейшими и очень запутанными процессами. Другое отличие заключается в методике и способе работы нашей науки.

У нас нет лаборатории со сложной аппаратурой. Наша лаборатория — это мир. Наши опыты — это действительно события каждодневной человеческой жизни, а испытуемые — наши пациенты, ученики, приверженцы и враги и, last not least, мы сами» [32].

Согласно основным положениям юнговской «общей психологии»:

1) психическое — далеко не гомогенное образование; напротив, это кипящий котел противоположных импульсов, запретов, аффектов и т.д.;

2) психическое — чрезвычайно сложное явление, поэтому на современном этапе его исчерпывающая теория невозможна;

3) психическое имеет свою структуру, динамику, что позволяет описывать и изучать собственно психологические законы;

4) источник движения психики — в самой психике, она сложна, поэтому психология вполне может обойтись без той или иной формы редукции психического;

5) можно говорить о психической энергии;

6) психическое представляет собой целостность;

7) объяснение психического не сводится лишь к причинному объяснению (синхронистичность как акаузальный принцип);

8) разработаны свои, особые методы (например, синтетический, амплификации и т.д.);

9) важная роль отводится построению типологий, позволяющих сохранять «специфику» рассматриваемых явлений;

10) в юнговском подходе по-иному понимается роль теории: она скорее инструмент анализа, чем формализованная система, иными словами, в этом

случае достигается единство теории и метода.

Как легко увидеть, понимание предмета у К.Г. Юнга таково, что позволяет избежать «диссоциаций», неизбежных при «узкой» трактовке предмета. «Наше намерение — наилучшее постижение жизни, какой она предстает душе человека. Все, чему мы научаемся при таком понимании, не должно — искренне на это надеюсь — окаменеть в форме интеллектуальной теории, но должно стать инструментом, который будет закаляться (благодаря практическому применению), чтобы, насколько это возможно, достичь своей цели. Его предназначение — как можно лучшее приспособление к управлению человеческой жизнью...» [32].

Хотелось бы специально подчеркнуть, что сам К.Г. Юнг хорошо понимал, что он создает основы новой психологии, новой общей психологии, а не разрабатывает частные вопросы: «Свои суждения и концепции я рассматриваю как опыт построения новой научной психологии, основанной прежде всего на непосредственном опыте общения с людьми. Мое учение нельзя назвать разновидностью психопатологии; это скорее общая психология с элементами патологии» [33, с. 387].

Разумеется, дело не в том, чтобы «заменить» традиционное представление о предмете, сформировавшееся в академической науке, парадигмой аналитической психологии. Автор настоящих строк отнюдь не хотел бы «заставить» всю психологию стать аналитической психологией, развивающей идеи К. Г. Юнга. Эти положения приведены лишь для того, чтобы показать принципиальную возможность иного понимания предмета психологической науки. Разрабатывать методологию, в

частности концепцию предмета психологической науки, да и пытаться создавать собственно теорию психического современной психологии предстоит самостоятельно.

4. Предмет психологии: ближайшие перспективы

Ситуация с предметом психологии вообще является источником постоянных недоразумений. Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Чтобы последние утверждения не показались излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Для иллюстрации воспользуемся работой классика психологии XX столетия Ж. Пиаже [19]. Ж. Пиаже в главе, посвященной проблеме объяснения в психологии, замечает: «В самом деле, поразительно, с какой неосторожностью многие крупные психологи пользуются физическими понятиями, когда говорят о сознании. Жане употреблял выражения «сила синтеза» и «психологическая сила». Выражение «психическая энергия» стало широко распространенным, а выражение «работа» — даже избитым. Итак, одно из двух: либо при этом в скрытой форме подразумевают физиологию и остается только уточнять, а вернее, измерять, либо говорят о сознании и прибегают к метафоре из-за отсутствия всякого определения этих понятий, сопоставимого с понятиями, которыми пользуются в сфере физических законов и физической причинности. В самом деле, все эти понятия, прямо или косвенно предполагают понятие массы или субстанции, которое лишено всякого смысла в сфере сознания» [19, с. 190].

Ж. Пиаже продолжает: «...Понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, разумеется, к поведению и даже к деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не «подведомственно» сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является «причиной» другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям. Из семи перечисленных нами форм объяснения только абстрактные модели ... применимы к структурам сознания, именно потому, что они могут абстрагироваться от того, что мы называем реальным “субстратом”. Причинность же предполагает применение дедукции к подобному субстрату, и отличием субстрата как такового от самой дедукции является то, что он описывается в материальных терминах (даже когда речь идет о поведении и деятельности). Более того (и это является проверкой наших предположений), трудности теории взаимодействия возникают именно от того, что она пытается распространить сферу действия причинности на само сознание» [19]. А это означает, что реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами, поэтому не стоит удивляться, что «одушевляющая связь» (И.В. Гете) также разрывается и «подслушать жизнь» (как всегда и бывает в таких случаях) не удастся⁶. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом: «Все это поднимает, следовательно, серьезную проблему, и для того, чтобы решение, состоящее в признании существования двух «параллельных» или изоморфных рядов, действи-

тельно могло удовлетворить нашу потребность в объяснении, хотелось бы, чтобы ни один из этих рядов не утратил всего своего функционального значения, а, напротив, чтобы стало понятным, по крайней мере, чем эти разнородные ряды, не имеющие друг с другом причинного взаимодействия, тем не менее дополняют друг друга» [19, с. 189]. Конечно, Декарт сделал для психологии много, создав методологическую возможность для появления современной психологии. Но абсолютизировать его вклад, вероятно, все же (на пороге третьего тысячелетия) не стоит: дуализм позволил психологии стать *наукой*, но в настоящее время он мешает ей стать *подлинной наукой* – не только самостоятельной, но самобытной, учитывая уникальность ее предмета. Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж. Пиаже в уже цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой – сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или как обычно говорят, «параллелизм»» [19, с. 188]. Здесь,

⁶ Ср. «Во всем подслушать жизнь стремясь, // Спешат явления обездуть, // Забыв, что если в них нарушить одушевляющую связь, // То больше нечего и слушать» (И.В. Гете «Фауст»).

один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание — лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» [19]. Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произведен таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического). Поэтому психическое необходимо подлежит «объяснению», за счет которого психика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («организмически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может, ведь предполагается, что предмет «внутренне простой»! Это представляется роковой ошибкой. На самом деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К.Г. Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э. Шпрангера «*psychologica — psychological*» — объяснять психическое через психическое — является логически обоснованным: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения). Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж. Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология неудачно определяет свой предмет.

Представляется, что проблема предмета сейчас центральная для психологии. Причем необходимы не только

конкретные исследования, обсуждающие ту или иную трактовку предмета, но и разработка собственно концепции предмета.

Напомним, что проблема предмета имеет еще одну сложность. В течение многих лет наша психология пребывала в состоянии раздвоенности. Поясним это. Официальным предметом психологии была *психика (психе)*. Назовем это *декларируемым* предметом. Как показывает анализ, предмет психологии имеет сложное строение. Фундамент его составляет исходное, базовое понимание «психе». Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная «рационализация». Таким образом, происходит разделение предмета на *декларируемый* («психе»), *рационализированный* и *реальный*. Декларируемый предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии в первую очередь потому, что неявно, но действительно определяет возможные диапазоны пространств психической реальности. То, что в пределах одного понимания безусловно является психическим феноменом, достойным изучения, при другом представляется артефактом, случайностью, либо нелепостью, жульничеством и как бы не существует вовсе. Например, трансперсональные феномены представляют несомненную реальность для сторонника аналитической психологии и «совершенно невозможное явление» — для естественно-научно ориентированного психолога, считающего психический феномен исключительно «свойством мозга». Между декларируемым и рационализированным (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он («рационализированный») «оформляет», фиксирует ту или иную трактовку «психе». Реальный предмет — это то, что в действительности подлежит изучению

(бесконечное число вариантов в системе «сознание / бессознательное — деятельность / поведение»).

Нам уже приходилось писать, что беспристрастный анализ может выявить удивительную картину [15]. К примеру, исследователь-психолог считает, что занят изучением психики (декларируемый предмет). Рационализированным предметом может быть отражение (наш исследователь изучает, к примеру, восприятие — «целостное *отражение* предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности...» [21, с. 66]). Отметим, что на уровне рационализированного предмета вся многомерность психики (и духовное, и душевное) оказывается редуцированной до отражения. Но самое интересное впереди. Ведь изучается-то на самом деле *реальный* предмет. А в качестве реального предмета выступают либо феномены самосознания в той или иной форме, либо, вообще, поведенческие (в широком смысле) феномены. Но это только *предмет науки*. В исследовании психолог, как известно, имеет дело с *предметом исследования*. Предмет исследования должен соответствовать предмету науки. Можно сказать, что он конструируется предметом науки.

В настоящее время совершенно очевидно, что трактовка психического как *только* отражения⁷ не соответствует современному уровню психологических знаний, создает непреодолимые трудности в развитии психоло-

гии. Необходимо новое *широкое понимание предмета*, позволяющее включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях. По нашему мнению, создать такое понимание можно на основе концепции предмета психологии, что мы считаем наиболее важной задачей методологии психологической науки на современном этапе ее развития.

К.Г. Юнг, один из выдающихся психологов XX столетия, утверждал, что «психе» столь сложна и многообразна, что невозможно приблизиться к ее постижению с позиции психологии инстинкта. В другом месте он писал о тайне человеческой души. Но постижению тайны мешают не только объективные сложности, но и предрассудки. Представим слово К.Г. Юнгу: «История психологии вплоть до XVII в. сводится, по сути, к перечню доктрин, так или иначе касающихся души, однако для самой души как объекта исследования в них места так и не нашлось. Каждый мыслитель, казалось, обладал всей полнотой знания о ней как непосредственной данности нашего опыта и посему был убежден в ненужности любого дальнейшего, тем более объективного опыта. Такая позиция совершенно чужда современным умонастроениям, поскольку сегодня мы все полагаем, что для обоснования положения, претендующего на научность, помимо и превыше какой бы то ни было субъективной достоверности, необходим объективный опыт. Несмотря на это, даже сегодня по-прежнему сложно последовательно проводить чисто эмпирический или феноменологический подход в психологии, потому что изначальное наивное представление о том, что душа, будучи непосредственно данной нам в опыте, есть нечто наиболее познанное из всего познаваемого, остается

⁷ Чтобы быть правильно понятыми, специально подчеркнем: речь идет именно о предмете психологии. Важность категории «отражение» и ее научного (в том числе и методологического) анализа несомненны (см. например, глубокие исследования С.Д. Смирнова [22 и др.]).

одним из наших наиболее глубоко укорененных убеждений. Такого мнения придерживается не только каждый профан, но и каждый психолог — а причем не только применительно к субъекту, но и, что гораздо существеннее, применительно к объекту» [35, с. 9]. Для того чтобы приблизиться к постижению тайны, необходимо разработать концепцию предмета психологии: путь к душе, если перефразировать высказывание М.Г. Ярошевского, приведенное в начале этой статьи, все же лежит через рациональный анализ.

Литература

1. *Агафонов А.Ю.* Основы смысловой теории сознания. — СПб: Речь, 2003.
2. *Баронен С.Г.* Особенности объекта и исследовательской позиции в гуманитарном исследовании // Гуманитарное исследование в образовании: опыт, размышления, проблемы. — Томск, 2002. — С. 232–244.
3. *Василюк Ф.Е.* К проблеме единства общей психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 12–32.
4. *Волков И.П.* Перспективы развития теоретической и практической психологии в России: Возродить научные исследования по предмету психологии // Вестник Балтийской педагогической академии. — 1996. Вып. 3. С. 6–13.
5. *Гинецинский В.И.* Предмет психологии: дидактический аспект. — М.: «Корпорация Логос», 1994.
6. *Дубровский Д.И.* Гносеология субъективной реальности (к постановке проблемы) // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 72–90.
7. *Ждан А.Н.* История психологии. — М.: МГУ, 1990.
8. *Зинченко В.П., Смирнов С.Д.* Методологические вопросы психологии. — М.: МГУ, 1983.
9. *Зинченко В.П.* Духовный организм и его функциональные органы (опыт интегративной работы в психологии) // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 101–120.
10. *Карицкий И.Н.* Методологические основания определения предмета психологии: сущность психического // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 137–152.
11. *Козлов В.В.* Седьмая волна в развитии психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 185–296.
12. *Мазилев В.А.* Теория и метод в психологии. — Ярославль, 1998.
13. *Мазилев В.А.* Утраты и обретения: еще раз о предмете научной психологии // Психология и практика. Ежегодник Российского психологического общества. Т. 4. Выпуск 5 / Отв. ред. А.В. Карпов, В.А. Мазилев. — Ярославль: ЯрГУ, МАПН, Российское психологическое общество, 1998. — С. 49–54.
14. *Мазилев В.А.* Психология на пороге XXI века. — Ярославль, 2001.
15. *Мазилев В.А.* Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии. — Ярославль: МАПН, 2003.
16. *Мазилев В.А.* Методология психологической науки. — Ярославль, 2003.
17. *Мазилев В.А.* Интегративная методология психологической науки // Вестник интегративной психологии. — 2006. — Выпуск 1 (4). — С. 13–16.
18. *Петровский В.А.* Психология: «непредметность» предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 240–245.
19. *Пиаже Ж.* Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. — М.: Прогресс, 1966. — С. 157–194.

20. Предмет и метод психологии: Антология / Под ред. Е.Б. Старовойтенко. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2005.
21. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Изд. второе. — М.: Изд-во «Политическая литература», 1990.
22. *Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. — М.: МГУ, 1985.
23. *Смирнов С.Д.* Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 276–291.
24. *Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф.* Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. — М.: ЭСИ, 1994.
25. *Теплых Д. А.* Проблема предмета психологии: опыт философско-методологического анализа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философ. наук. — Магнитогорск, 2005.
26. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. — М.: Наука, 1989.
27. *Фресс П.* Развитие экспериментальной психологии // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. — М.: Прогресс, 1966.
28. *Чуприкова Н.И.* Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки // Вопросы психологии. — 2004. — № 2. — С. 104–118.
29. *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. — СПб., 1994.
30. *Юнг К.* Воспоминания, сновидения, размышления. — Киев, 1994.
31. *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. — М., 1994.
32. *Юнг К.Г.* Конфликты детской души. — М.: Канон, 1995.
33. *Юнг К.Г.* Дух и жизнь. — М.: Практика, 1996.
34. *Юнг К.Г.* Божественный ребенок. — М.: Олимп, 1997.
35. *Юнг К.Г.* О природе психе. — М.: Рефл-бук. — Киев: Ваклер, 2002.
36. *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. — М.: Наука, 1978.
37. *Юревич А.В.* Структура социогуманитарных теорий // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 316–324.
38. *Якоби И.* Психологическое учение К.Г. Юнга // Юнг К.Г. Дух и жизнь. — М.: Практика, 1996. — С. 385–534.
36. *Ярошевский М.Г.* История психологии. Третье издание, дораб. — М.: Мысль, 1985.
39. *Ярошевский М.Г.* Новаторство И.М. Сеченова: историческая реальность или «сталинская фикция» // Вопросы психологии. — 1994. — № 6. — С. 87–98.
40. *Ярошевский М.Г.* Наука о поведении: Русский путь. — М.: Институт практической психологии. — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
41. *Яшин В.П.* Предмет психологии с точки зрения системного подхода // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 325–331.
42. *Brentano F.* Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. — Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
43. *Jung C. G.* Collected Works. — Vol. 8. — N.-Y. — L., 1968.